

Арктика и Север. 2026. № 62. С. 51–68.
Научная статья
УДК 332.145(48)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.51>

Анализ управленческих инструментов регионального развития стран Северной Европы

Строев Павел Викторович¹, кандидат экономических наук, доцент
Ревунов Роман Вадимович²✉, кандидат экономических наук, доцент

^{1,2} Институт региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, пр. Ленинградский, 49/2, Москва, Россия

¹ pstroeov@fa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

² rrevunov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5089-4204>

Аннотация. Одной из основных целей государственной политики РФ на современном этапе является формирование предпосылок устойчивого социально-экономического развития, сопровождающегося повышением качества жизни граждан за счёт выравнивания имеющихся в настоящее время межрегиональных диспропорций. Указанные обстоятельства обуславливают высокую актуальность и научно-практическую значимость аналитики передовых мировых практик организации регионального развития. В целях осуществления подобного анализа нами выбраны страны, имеющие сходные с регионами Северо-Запада Российской Федерации географические и природно-климатические условия: Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания. Также рассмотрены основополагающие документы и организационные механизмы устойчивого развития, разработанные международными организациями, участницей которых является РФ (в частности, Организации Объединённых Наций). Использование общенаучных методов познания — дедуктивного, компаративного, синтеза, анализа, моделирования социально-экономических процессов — позволило обеспечить высокий уровень достоверности полученных авторами результатов и выводов. Установлены основные инструменты реализации государственной политики регионального развития стран Северной Европы: последовательное укрупнение муниципалитетов в целях упрощения администрирования; стабильно высокий уровень социальных расходов, особенно в части развития человеческого капитала (образование, здравоохранение, социальная защита); высокий уровень госрасходов, связанных с развитием дорожно-транспортной инфраструктуры в целях обеспечения территориальной связанности страны; точечная господдержка различных отраслей экономики (с учётом особенностей территориальной локализации) в виде непосредственного участия в корпоративном капитале, предоставления льготных режимов налогообложения, административных преференций; кластерный подход к организации регионального развития, подразумевающий выявление ядра экономической активности, обусловленного оптимальным сочетанием имеющихся ресурсов, созданием административных и организационно-экономических условий интенсификации темпов роста; стимулирование межрегиональных (межстрановых) интеграционных экономических процессов. Результаты исследования могут использоваться органами государственной власти РФ, субъектов РФ при формировании направлений и мероприятий государственной политики социально-экономического развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, мировой опыт, регион, планирование, инструменты, государственная политика, экономика

* © Строев П.В., Ревунов Р.В., 2026

Для цитирования: Строев П.В., Ревунов Р.В. Анализ управленческих инструментов регионального развития стран Северной Европы // Арктика и Север. 2026; 62: 51–68. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.51>

For citation: Stroeov P.V., Revunov R.V. Analysis of Regional Development Management Tools in the Nordic Countries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 62: 51–68. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.62.51>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Analysis of Regional Development Management Tools in the Nordic Countries

Pavel V. Stroev¹, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

Roman V. Revunov²✉, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

^{1,2} Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, pr. Leningradskiy, 49/2, Moscow, Russia

¹ pstroev@fa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

² rrevunov@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5089-4204>

Abstract. One of the main goals of Russian Federation state policy at the present stage is the formation of prerequisites for sustainable socio-economic development, accompanied by improvement of the quality of life of citizens through the elimination of existing interregional disparities. These circumstances determine the high relevance and scientific and practical significance of analyzing the world's best practices in regional development. In order to carry out such an analysis, we selected countries with geographical, natural and climatic conditions similar to the regions of the North-West of the Russian Federation: Norway, Sweden, Finland, and Denmark. The fundamental documents and organizational mechanisms of sustainable development by international organizations of which the Russian Federation is a member (in particular, the United Nations) were also considered. The use of general scientific methods of cognition (deductive, comparative, synthesis, analysis, modeling of socio-economic processes) made it possible to ensure a high level of reliability of the results and conclusions obtained by the authors. The main instruments for implementing the state policy of regional development of the Nordic countries are established: consistent consolidation of municipalities in order to simplify administration; high level of social spending, especially in terms of human capital development (education, healthcare, social protection); high level of government spending on development of road and transport infrastructure in order to ensure the territorial coherence of the country; targeted government support for various sectors of the economy (taking into account the specifics of territorial localization) in the form of direct participation in corporate capital, provision of preferential tax regimes, administrative preferences; cluster approach to organizing regional development, implying the identification of the core of economic activity due to the optimal combination of available resources, creation of administrative, organizational and economic conditions for intensifying growth rates; stimulation of interregional (intercountry) integration economic processes. The results of the study can be used by the government bodies and constituent entities of the Russian Federation in forming the directions and activities of the state policy of socio-economic development.

Keywords: *sustainable development, world experience, region, planning, tools, public policy, economics*

Введение

Документами стратегического планирования РФ¹ в целом и регионального развития² в частности обозначены основные целевые ориентиры государственной политики РФ в областях

¹ Указ президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 21.06.2025); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 21.06.2025).

социально-экономического и территориального развития на средне- и долгосрочную перспективу. Среди обозначенных целевых ориентиров можно выделить следующие: формирование долгосрочных факторов экономического роста; сокращение существующих диспропорций социально-экономического развития регионов РФ; укрепление конкурентоспособности РФ на мировых рынках товаров и услуг; развитие человеческого капитала; укрепление связанности территории РФ; улучшение качества жизни граждан РФ.

Практическое достижение обозначенных целевых ориентиров подразумевает повышение эффективности государственного управления на отраслевом и региональном уровнях, координацию усилий органов государственной власти РФ и субъектов РФ в части формирования единых подходов к государственной политике социально-экономического развития на макро- и мезоуровнях. С учётом сказанного, не вызывает сомнений актуальность и научно-практическая значимость анализа передового мирового опыта в сфере организации управления развитием регионов и макрорегионов. В контексте тематики исследования для анализа выбраны страны, имеющие сходные с регионами Северо-Запада Российской Федерации географические и природно-климатические условия, а именно: Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия. Также рассмотрены основополагающие документы и организационные механизмы пространственного развития международных организаций, участницей которых является РФ (в частности, Организации Объединённых Наций).

Материалы и методы

Использование общенаучных методов познания, в частности дедуктивного, компаративного, синтеза, анализа, моделирования социально-экономических процессов, позволило обеспечить высокий уровень достоверности полученных авторами результатов и выводов. Информационная основа исследования сформирована материалами Всемирного банка (World Bank), Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), ООН (UN), а также результатами научных исследований. В трудах Масолыгина А.В. [1], Подоплёкина А.О. [2, с. 297–302] интерпретирован опыт социально-экономического развития арктических регионов Канады, Норвегии, США. Монастырская М.Е., Песляк О.А. [3, с. 50–51] исследуют особенности управления градостроительной деятельностью в урбанизированных регионах скандинавских стран. Административные и организационно-экономические

² Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» утв. Постановлением Правительства от 30 марта 2021 года № 484. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104020037> (дата обращения: 21.06.2025); Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2020 года № 2464-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=0001202009280027> (дата обращения: 20.06.2025); Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 26 января 2023 г. № 129-р. URL: <http://government.ru/docs/all/145780/> (дата обращения: 21.06.2025).

инструменты развития норвежских регионов анализируют Amdam R. [4, с. 104–106], Nakken K.³, Stein J. [5, с. 101]. В научных работах Halkier H.⁴, Conigrave B., Hemmlings P. [6, с. 12–14], Cornett A.P., Soerensen N.K. [7, с. 15] исследованы механизмы управления социально-экономическим развитием стран Северной Европы. Опыт Финляндии по созданию инфраструктуры межрегионального социально-экономического взаимодействия, в том числе трансграничного, рассмотрен в трудах Ahokas J.⁵, Häyriinen-Alestalo M., Pelkonen, A., Teräväinen T., Waltari S-T. [8, с. 18–21]. Организационно-экономический инструментарий стимулирования различных отраслей экономики Швеции в контексте достижения целей устойчивого развития находит научную интерпретацию в трудах Lundmark L, Demiroglu O, Nesterova I. [9, с. 238–240], Sobha P., Krook-Riekkola A. [10, с. 330–332], Zetterberg L., Eriksson M., Ravry C., Santosa A., Ng N. [11, с. 807–810]. Аналитика общеевропейских интеграционных механизмов применительно к условиям Северных стран представлена в работах Sotarauta M., Suvinen N., Jolly S., Hansen T. [12, с. 99–105], Duhs L. [13, с. 580–583], Garbis Z., McCarthy E., Orttung R.W. [14].

Результаты и обсуждение

Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) в 2015 г. утвердила разработанную при участии представителей РФ Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, определяющую основные цели, касающиеся устойчивого развития (так называемые Цели устойчивого развития (ЦУР)). Формирование на государственном уровне стран-участниц ГА ООН организационно-экономических и административно-правовых предпосылок, обеспечивающих достижение ЦУР ООН, позволяет интенсифицировать социально-экономическое развитие в глобальном масштабе, смягчить остроту экологической угрозы, выражающейся главным образом в изменении климата.

Согласно научной точке зрения авторов статьи, Цель устойчивого развития № 11 — обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населённых пунктов⁶, включая взаимосвязанные с ней задачи, в наибольшей мере обозначает региональные приоритеты развития. Использование целеполагания устойчивого развития ООН на страновом уровне обязывает государства обеспечить комплексное освоение территории, в том числе за счёт эффективного планирования урбанистической, транспортно-логистической, коммунальной инфраструктуры, общественных пространств городов и населённых мест,

³ Nakken K. Regional development policy in Norway — Helsinki, 27. November 2019, ESPON: European Territorial Observation Network. Luxembourg. URL: <https://policycommons.net/artifacts/3326630/regional-development-policy-in-norway-helsinki-27/4072519/on> 03 May 2024. CID: 20.500.12592/5vcq5s (дата обращения: 21.06.2025).

⁴ Halkier H. Policy Developments in Denmark: Regional Policy, Economic Crisis and Demographic Change. KatPlan. URL: https://vbn.aau.dk/ws/portalfiles/portal/18793928/EoRPA_Denmark__16_July_2009_HH_1_.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

⁵ Ahokas J. A comprehensive view of regional economic development in Finland // 50th Congress of the European Regional Science Association "Sustainable Regional Growth and Development in the Creative Knowledge Economy", 19-23 August 2010, Jönköping, Sweden, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/118887/1/ERSA2010_0469.pdf (дата обращения: 21.06.2025).

⁶ Организация объединённых наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/> (дата обращения: 25.02.2025).

сохранения культурного и природного наследия, использования научных и инженерных решений для минимизации рисков возникновения стихийных бедствий, сохранения межрасового, межэтнического и межрелигиозного мира.

Во исполнение Цели устойчивого развития № 11 экспертами ООН разработаны Международные рекомендации по городскому и территориальному планированию ⁷ (утверждены в 2015 г. Советом управляющих Программы ООН по населённым пунктам). В указанных Международных рекомендациях представлено распределение планировочно-управленческого функционала между уровнями принятия решений расширенного государства (здесь и далее под расширенным государством нами понимается совокупность органов государственного и муниципального управления, имеющих установленные национальным законодательством полномочия по регулированию (управлению) пространственного (территориального) развития):

- национальный (страновой) уровень (в частности, создание взаимосвязанной и сбалансированной системы агломераций, специализирующихся на различных видах экономической деятельности), управление движением потоков товаров, капитала, в том числе трансграничных; формирование условий вовлечённости макро- и мезорегионов в международное разделение труда, мировую торговлю ⁸;
- межрегиональный уровень (например, формирование управленческой (регулятивной) рамки социально-экономического развития региона (группы регионов), установление связей между сельскими и городскими ареалами, защита естественных экосистем от избыточного (то есть превышающего естественную способность природных экосистем к регенерации) техногенно-антропогенного воздействия) ⁹;
- муниципальный (местный) уровень (например, проектирование и благоустройство общегородских систем общественного пространства или формирование подобного пространства в интересах жителей нескольких муниципалитетов, создание условий для вложения капитала в модернизацию и развитие городской инфраструктуры жизнеобеспечения, формирование единого подхода к планировочным решениям по территориальной локализации объектов и сетей объектов; формирование единой муниципальной (межмуниципальной) сбалансированной транспортной системы; эффективное планирование муниципальной застройки жилыми домами и объектами общественной инфраструктуры с учётом особенностей конкретной

⁷ Международные рекомендации по городскому и территориальному планированию (ООН). URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Brochure_IG-UTP_Russian_small.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Международные рекомендации по городскому и территориальному планированию (ООН). URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Brochure_IG-UTP_Russian_small.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

⁹ Там же.

местности, обеспечения транспортной доступности, минимизация социального неравенства и т. п.¹⁰).

В профильных разделах Международных рекомендаций по городскому и территориальному планированию представлены разработанные экспертами ООН современные концепции, теоретико-методические подходы и инструменты разработки территориальных социально-экономических структур и конфигураций развития регионов. При этом практическое воплощение идей, изложенных в вышеуказанных Международных рекомендациях, на государственном уровне стран-участниц ООН подразумевает формирование механизма делегирования административно-управленческих полномочий между уровнями регулирования с тем, чтобы создать инструментарий максимизации различных компонентов уникального потенциала (природно-климатического, культурного, человеческого, аграрного, индустриального, транспортно-логистического и т. д.), присущего каждому конкретному региону (группе регионов), а также учёта факторов, детерминирующих территориальную специфику.

Практическая реализация изложенных выше подходов к организации управления на микро-, мезо- и макроуровнях позволяет максимизировать преимущества, присущие масштабным территориям, расширяющим сферу использования эффекта синергии, а также способствует минимизации ограничений, присущих перенаселённым регионам.

В контексте тематики статьи представляет интерес изучение опыта развития регионов Норвегии. На сегодняшний день площадь территории этой страны составляет 355,2 тыс. км². Среди особенностей географического положения Норвегии необходимо выделить её северное расположение (между 57 и 72 градусами северной широты), а также своеобразную, обусловленную рельефом Скандинавского полуострова «вытянутость» с севера на юг (сходная конфигурация территории страны имеется у Чили). Население Норвегии составляет около 5 млн чел.¹¹, наиболее плотно заселён юго-восточный регион Эстланн.

Природно-климатические условия Норвегии близки таким регионам РФ, как Ленинградская, Мурманская, Архангельская области и Республика Карелия.

Норвегия является одним из крупнейших в Европе производителей углеводородного сырья. Добыча природного газа и нефти осуществляется в основном из месторождений шельфа Северного моря. Также страна поставляет на мировой рынок железную руду, свинец, никель. На протяжении многих лет значительная часть доходов от экспорта углеводородного сырья аккумулировалась в суверенных фондах Норвегии, основные направления деятельности которых представлены в табл. 1.

Таблица 1

¹⁰ Международные рекомендации по городскому и территориальному планированию (ООН). URL: http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Brochure_IG-UTP_Russian_small.pdf (дата обращения: 21.02.2025).

¹¹ Организация экономического сотрудничества и развития // OECD Economic Surveys: Norway 2022. OECD Publishing, Paris. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-norway-2022_df7b87aben#page1 (дата обращения: 10.03.2025).

Основные направления деятельности суверенных фондов Норвегии¹²

Наименование	Основные направления деятельности
Государственный пенсионный фонд — Норвегия (бывший Государственный страховой фонд)	Инвестирует в активы внутри страны, является одним из основных держателей ценных бумаг компаний, котирующихся на фондовой бирже Осло. В 2010-х гг. Фонд используется для стимулирования развития отраслей зелёной экономики за счёт приобретения акций и облигаций норвежских компаний, отвечающих критериям экологичности и доходности (например, в сфере возобновляемых источников энергии). По состоянию на июнь 2023 г. стоимость принадлежащих Фонду активов составляла 15,7 трлн норвежских крон
Государственный пенсионный фонд — Глобальный (норв. Statens pensjonsfond utland, SPU; англ. Government Pension Fund Global, GPFGB)	Инвестирует в активы за пределами страны. По состоянию на сентябрь 2017 г. стоимость принадлежащих Фонду активов превысила 1 трлн долл. США. Портфель Фонда в основном составляют ценные бумаги инфраструктурных компаний (операторы портов, аэропортов, железных дорог), а также государственные облигации разных стран.

Основными преимуществами представленной в табл. 1 модели функционирования суверенных фондов Норвегии являются следующие: специализация на внешних и внутренних инвестициях в рамках самостоятельных структур способствует повышению качества управления; ориентация на непосредственное участие в корпоративном капитале увеличивает эффективность бизнеса (в частности, уменьшается потребность в банковском кредитовании, соответственно, минимизируются расходы, связанные с обслуживанием кредитов, и т. п.); диверсификация капиталовложений внутри страны и за её пределами снижает риски, связанные с колебаниями конъюнктуры рынка.

Среди основных тенденций социально-экономического развития регионов Норвегии в период 1999–2019 гг., обусловленных в том числе значительным объёмом накопленных суверенными фондами денежных средств и активов, необходимо отметить мероприятия по диверсификации экономики, направленные на снижение зависимости от сырьевых доходов, а также масштабные капиталовложения в развитие человеческого капитала. Именно на эти основные цели была направлена большая часть дополнительных доходов, возникших в период подорожания мировых цен на нефть (с минимального значения 9,8 долл. США за баррель (декабрь 1998 г.) до максимума в 133,9 долл. США за баррель (июль 2008 г.) [6, Conigrave B., Hemmlings P., с. 10–12].

Структурная трансформация норвежской экономики сопровождалась сокращением удельного веса добывающего сектора в ВВП страны, постепенным увеличением доли сектора услуг, что обусловлено, главным образом увеличением платёжеспособного спроса граждан в связи с ростом доходов в реальном выражении (в том числе пенсионных). Как указывает Масолыгин, экспорт Норвегии претерпел изменения: 75% добытой в стране нефти и 95% природного газа поставляются иностранным потребителям, при этом удельный вес

¹² Источник: составлено авторами.

нефтегазового сектора в структуре торговли за период 2000–2022 гг. сокращается с 75% до 62% [1, Масолыгин А.В.].

Одним из направлений государственной политики Норвегии является стимулирование неэнергетического несырьевого экспорта, практическая реализация которого заключается в создании благоприятных институциональных и административных условий для компаний, организующих производство различных электронных устройств (как бытового, так и промышленного назначения) из привозных или созданных на территории страны элементов и электросхем для дальнейшего экспорта. Помимо комфортных административного и налогового режимов дополнительными факторами, усиливающими конкурентоспособность, являются наличие квалифицированного персонала, а также сравнительно низкая стоимость электроэнергии. Указанные обстоятельства обуславливают привлекательность данной модели для инвесторов. Подобная политика позволяет избежать риска деиндустриализации страны, а также снижает зависимость от колебаний мировых цен на экспортные сырьевые товары.

В силу природно-климатических причин ведущими отраслями агропромышленного комплекса Норвегии являются лесохозяйственная и рыбохозяйственная. Одним из основных центров добычи рыбы и её переработки является портовый город Киркенес, расположенный за Полярным кругом, на берегу Баренцева моря. Киркенесский региональный рыбохозяйственный кластер включает в себя хозяйствующие субъекты, функционирующие в арктическом регионе Норвегии, Финляндии, Швеции, в частности, компании, занимающиеся обслуживанием рыболовецких судов, размещением моряков, организацией их досуга, медицинского обслуживания между рейсами, переработкой рыбы, транспортировкой произведённой продукции потребителям железнодорожным, морским, автомобильным видами транспорта. Успешное функционирование регионального экономического кластера данного типа обусловлено следующими факторами: во-первых, единым подходом к формированию административных условий осуществления бизнеса, выработанным Северными странами (об этом будет сказано ниже); возможностью доступа к капиталу Государственного пенсионного фонда — Норвегия; накопленным опытом рыбохозяйственной деятельности; наличием квалифицированных кадров. Отметим, что Мурманская область РФ, граничащая с Норвегией в районе Киркенеса, пока не реализовала в полной мере свои конкурентные преимущества, связанные с наличием незамерзающего порта и доступом к биоресурсам Баренцева моря.

Одним из приоритетных направлений государственной политики Норвегии в период 1995–2020 гг. было развитие социальной сферы, сопряжённой со сферой услуг. Значительная часть доходов суверенных фондов вкладывалась в развитие компонентов человеческого потенциала, в том числе в Арктическом регионе страны. Указанный процесс способствовал формированию одного из атрибутов социально-экономического развития Норвегии — высокому уровню социальных расходов, составляющих, по разным оценкам, от 55 до 70%

расходов консолидированного бюджета (из них наибольшую долю имеют образование (до 15%), организация медицинского обслуживания граждан (до 20%) и социальная защита (до 35%))¹³.

Среди преимуществ вышеописанной модели госрасходов следует отметить: устойчиво высокий уровень внутреннего платёжеспособного спроса домохозяйств на производимые в стране товары и услуги, что, во-первых, позволяет осуществлять стабильную средне- и долгосрочную социально-экономическую политику, во-вторых, обеспечивает определённый уровень занятости и производства, в-третьих, минимизирует зависимость экономики страны от изменения конъюнктуры мировых рынков, в-четвёртых, обеспечивает экономику квалифицированными кадрами, что является одним из важнейших факторов её стабильного развития.

Благодаря реализации вышеуказанных мероприятий государственной политики в Норвегии, несмотря на особенности географического положения страны, отсутствует значительная дифференциация регионов по показателям качества жизни граждан (действовавшие на протяжении многих лет надбавки к заработной плате проживавших в северных регионах граждан были отменены в 2003 г.).

Среди стран Северной Европы Дания, Финляндия (включая Аландские острова) и Швеция являются государствами-членами Европейского Союза (ЕС). От национальной валюты в пользу единой европейской отказалась Финляндия, Дания и Швеция сохранили собственные платёжные единицы. Членами такого межгосударственного объединения, как ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли)¹⁴, являются Исландия и Норвегия. В настоящее время в эту международную организацию входят 4 страны. Между ЕАСТ и ЕС заключено соглашение о свободном перемещении товаров, услуг, капиталов и рабочей силы через государственные границы стран-участниц данных международных организаций. В целях упрощения передвижения граждан и снижения транспортных издержек Дания (включая Фарерские острова), Исландия, Норвегия, Швеция и Финляндия создали Северный паспортный союз¹⁵, подразумевающий право граждан указанных стран свободно перемещаться и проживать на территории государств-участников соглашения. Вышеуказанные страны сформировали систему межгосударственных координационных органов¹⁶, обеспечивающих разработку интеграционных проектов и формирование единой

¹³ Всемирный банк / World Bank (2022). World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁴ Европейская ассоциация свободной торговли. URL: <https://www.ce-certification.lv/ru/ce/evropejskaya-associaciya-svobodnoj-torgovli> (дата обращения: 26.01.2025).

¹⁵ URL: <https://www.norden.org/en/information/nordic-agreements-and-legislation> (дата обращения: 26.06.2025).

¹⁶ Соглашение о правовом статусе Секретариата Совета министров Северных стран и Секретариата Северного совета. URL: <https://www.norden.org/en/information/nordic-agreements-and-legislation> (дата обращения: 26.06.2025).

государственной политики в сферах регулирования миграции, рынка труда и экономического развития регионов.

Развитие мировой торговли и процессов глобализации способствовало активизации усилий на государственном уровне Северных стран для обеспечения экономической конкурентоспособности и социальной устойчивости. В связи с этим за период 2000–2020 гг. были осуществлены административные реформы, необходимость которых обусловлена двумя глобальными вызовами в отношении Северных стран.

Первый вызов связан с усилением давления на систему социального обеспечения Северных стран, обусловленным старением населения, что приводит к развитию двух параллельных процессов: сокращению трудоспособных граждан на рынке труда и повышению спроса на услуги здравоохранения. Указанные процессы сопровождаются сокращением налоговых доходов бюджетных систем, так как количество налогоплательщиков снижается.

Второй вызов связан со всё более возрастающим давлением на системы социального обеспечения Северных стран, оказываемым мигрантами из стран Африки и Ближнего Востока.

Одним из важных аспектов общественной рефлексии относительно упомянутых вызовов явилась широкомасштабная реформа государственного управления Северных стран. Основными элементами указанной реформы стали: процесс укрупнения административно-территориальных единиц на муниципальном и региональном уровнях; формирование гибкого механизма оперативного перераспределения государственных полномочий между уровнями управления в зависимости от действия различных социальных, экологических и экономических факторов.

Одним из наиболее показательных примеров подобного реформирования системы государственного управления является опыт Дании. В этой стране количество муниципальных образований было сокращено в период проведения административной реформы более чем вдвое: с 270 самостоятельных муниципалитетов до 98. Принципиальное решение об осуществлении административной реформы и сроках её проведения принималось на правительственном уровне, однако вопросы её практической реализации, то есть принятие решений о том, какие именно муниципальные образования должны были объединиться, передавались на уровень местных сообществ (органов местного самоуправления, избираемых гражданами). При этом с 1 января 2007 г. 13 административно-территориальных единиц — округов (амтов) были упразднены. Вместо них сформированы 5 новых, укрупнённых регионов, органы управления которых обладают чётко кодифицированным (в уставах) набором полномочий. Одним из результатов административной реформы в Дании стало усиление политического авторитета наиболее приближенного к гражданам — муниципального — уровня власти. При этом ряд полномочий, ранее находившихся на региональном уровне (например, в части

налогообложения), был распределён между муниципальным и страновыми уровнями управления. Подобный подход способствовал сосредоточению усилий и ресурсов региональных органов управления на решении своих уставных задач, основными из которых в Дании являются организация медицинского обслуживания граждан, деятельности общественного транспорта, координация распределения структурных и отраслевых фондов Евросоюза. После завершения административной реформы в Дании сформировалась двухуровневая управленческая модель, подразумевающая основной поток административных взаимодействий в контуре «укрупнённый муниципалитет — правительство страны». В условиях Дании подобный формат является вполне оправданным, так как относительно небольшие размеры основной, наиболее густозаселённой части страны, а также современные коммуникационные технологии позволяют организовать подобное управленческое взаимодействие без формирования многочисленных государственных органов на уровне регионов, что, во-первых, сокращает расходы бюджетной системы на содержание аппарата управления, во-вторых, ускоряет обмен информацией, подготовку и принятие решений, в-третьих, снижает нагрузку на аппарат управления, а также минимизирует риски ошибок, искажений, потери данных. В то же время подобный формат организации управления позволяет учесть территориальную специфику страны. Например, крупнейшая агломерация Дании — столичный регион Копенгаген — имеет особый статус, сочетая на одном уровне управления полномочия муниципалитета, региона и, в ряде случаев, правительства страны. Столичная агломерация является единственным регионом Дании, имеющим подготовленный на государственном уровне законодательно утверждённый план развития. Принадлежащий Дании остров Гренландия представляет собой её крупнейшую заморскую территорию. В целях оптимизации управления значительная часть государственных полномочий была передана на местный уровень; в 2009 г. претерпело изменение административно-территориальное деление острова, количество муниципальных образований было сокращено с 18 до 4 единиц. При этом в связи с малочисленностью проживающих в Гренландии граждан формирование на острове самостоятельного региона было признано нецелесообразным. Таким образом, управление в Гренландии представлено двумя уровнями: местным (муниципальные органы власти) и национальным (правительство Дании).

Сходным образом осуществлялось административное реформирование и в других Северных странах. В Финляндии реформа осуществлялась в два этапа. Первый этап подразумевал формирование правительством страны административных, институциональных, организационных, экономических предпосылок, мотивирующих муниципалитеты к добровольному слиянию, решения о котором принимались на местных референдумах. Второй этап включал в себя непосредственную реализацию реформы. В период с 2000 по 2020 гг. количество муниципалитетов в Финляндии постепенно сократилось с 452 до 311 единиц, что позволило достичь административных и социально-

экономических эффектов, сходных с датскими. В то же время, по мнению финских экспертов, одним из недостатков реформы является сравнительно небольшое количество граждан, проживающих в муниципальных образованиях Финляндии (в среднем около 7 тыс. жителей)¹⁷ [12, Sotarauta M., Suvinen N., Jolly S., Hansen T., с. 99–105]. Особенности территориального расположения страны обусловили внимание экспертного сообщества и политического истеблишмента к поиску оптимальных моделей регионального развития. В настоящее время административно-территориальное деление Финляндии включает в себя 19 областей (регионов), состоящих, в свою очередь, из районов. В ходе административной реформы с национального на региональный уровень управления был делегирован значительный объём полномочий, ресурсов и ответственности за организацию работы различных сфер и направлений (например, системы здравоохранения). Региональные органы власти Финляндии принимают на себя ответственность за развитие территорий, в том числе различных отраслей экономики. Широкий объём делегированных с национального уровня полномочий позволяет регионам осуществлять экономическую и транспортную политику с учётом региональных особенностей. Области имеют избранное прямым голосованием политическое руководство (региональные советы), однако значительный объём полномочий, касающихся налогообложения, остаётся на муниципальном уровне. Как и в Дании, отдельные территории Финляндии имеют самостоятельную модель управления. В частности, Аландские острова управляются островным правительством Аландских островов и включают в себя 16 муниципальных образований, в том числе очень малочисленных. В некоторых из них проживает менее 500 человек, а численность населения муниципалитета Соттунга (Sottunga) составляет менее 100 жителей.

В 2017 г. норвежский парламент Стортинг (Stortinget) принял решение об осуществлении в стране административной реформы. В ходе преобразования системы государственного управления, количество регионов (fylkeskommuner) сократилось с 18 до 11 административно-территориальных единиц, а число муниципальных образований снизилось с 428 до 354 единиц. В 2020 г. первый этап реформы, заключающийся в делегировании ресурсов (прежде всего, финансовых), полномочий и ответственности на муниципальный и региональный уровни управления, был завершён. Одна из особенностей норвежской модели управления заключается в том, что система здравоохранения организована правительством на общенациональном уровне и её работа управляется централизованно. Органы управления регионов имеют полномочия и ресурсное обеспечение для планирования и осуществления мероприятий социально-экономического развития, в том числе касающихся транспортно-логистического комплекса. На уровне правительства

¹⁷ Ahokas J. A comprehensive view of regional economic development in Finland // 50th Congress of the European Regional Science Association «Sustainable Regional Growth and Development in the Creative Knowledge Economy», 19–23 August 2010, Jönköping, Sweden, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/118887/1/ERSA2010_0469.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

Норвегии посредством представителей научного сообщества осуществляется стратегическая координация регионального и отраслевого развития.

В 2020 г. в Королевстве Швеция разработана и принята Национальная стратегия устойчивого регионального развития страны на 2021–2030 гг.¹⁸ Среди основных целевых ориентиров указанного документа необходимо выделить формирование условий социально-эколого-экономически устойчивого развития регионов страны, способствующего трансформации Швеции в «современное и устойчивое государство всеобщего благосостояния»¹⁹. Практическое достижение указанной цели подразумевает реализацию комплекса мер, направленных на стабилизацию экосистем, снижение воздействия на климат, модернизацию энергетического сектора на основе ресурсосберегающих технологий.

Нормативную основу реализации Национальной стратегии устойчивого развития составляют действующие редакции принятых в разное время законодательных актов, регламентирующих градостроительную деятельность, природопользование, развитие дорожно-транспортной инфраструктуры и др., в частности: «Закон о планировании и строительстве» (Planning and Building Act; 2010 г.), «Закон об административно-территориальном делении Королевства Швеция» (Regional utveckling och regional samhällsorganisation, 2007 г.), «Кодекс охраны окружающей среды» (The Environmental Code; 1999 г.), «Закон о дорогах» (Roads Act; 1971 г.), «Закон о водных пространствах» (The Public Water and Wastewater Act; 1999 г.), «Закон о землевладении» (Real Property Formation Act; 1970 г.)²⁰.

Исследователи [3, Монастырская М.Е., Песляк О.А., с. 50–51; 10, Sobha P., Krook-Riekkola A., с. 330–332] указывают на исторически сложившуюся в Королевстве Швеция автономию муниципалитетов, органы власти которых располагают значительными полномочиями как по решению проблем местных сообществ, так и по организации межмуниципального социально-экономического взаимодействия. Центральное правительство осуществляет координацию таких основных направлений государственной политики регионального развития, как:

- развитие сельских территорий;
- создание условий устойчивого развития городов;
- экологическая политика.

В ведении шведских муниципалитетов находятся вопросы образования, развития дорожно-транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры, градостроительное планирование, организация работы общественного транспорта, состояние экологии в

¹⁸ Nationell strategi för hållbar regional utveckling i hela landet 2021–2030. URL: <https://www.regeringen.se/contentassets/53af87d3b16b4f5087965691ee5fb922/nationell-strategi-for-hallbar-regional-utveckling-i-hela-landet-20212030/> (дата обращения: 26.06.2025).

¹⁹ Там же.

²⁰ URL: https://www.oecd.org/en/publications/land-use-planning-systems-in-the-oecd_9789264268579-en.html (дата обращения: 26.06.2025).

границах муниципалитета. У муниципальных органов власти есть полномочия по налоговому регулированию, что позволяет на местном уровне реализовывать меры стимулирования различных отраслей экономики. Дополнительным источником финансирования реализации местных программ развития являются профильные гранты, предоставляемые ЕС на конкурсной основе.

Реформа административно-территориального управления Швеции осуществлялась в рамках единого для Северных стран подхода к постепенному сокращению административных единиц. В ходе реформы, количество муниципальных образований страны сократилось с 1 000 до 290 единиц. Специфика шведской модели заключается в акцентировании внимания на регионе, а также расширенных полномочиях укрупнённых муниципалитетов. В настоящее время Швеция разделена на 21 лён (регион), однако обсуждается укрупнение регионов до 6 единиц.

В отличие от большинства других Северных стран, Исландия имеет только два уровня управления: национальный и местный. Осуществлённая по моделям Скандинавских государств административная реформа привела к уменьшению количества муниципальных образований со 196 до 89 единиц. В последние годы число муниципалитетов было дополнительно сокращено до 74 единиц за счёт добровольных слияний, решения о которых принимались на местных референдумах²¹. Правительство Исландии создаёт условия муниципального взаимодействия для решения актуальных проблем местных сообществ, в том числе посредством создания межмуниципальных органов власти, с передачей им части полномочий национального правительства [13, Duhs L., с. 580–583].

В табл. 2 систематизированы основные инструменты и практики в сфере управления региональным развитием стран Северной Европы.

Таблица 2

*Инструменты и практики организации развития стран Северной Европы*²²

Наименование страны	Направления / инструменты государственной политики	Социально-экономический эффект
Швеция, Финляндия, Норвегия	Последовательное сокращение количества административно-территориальных единиц за счёт объединения муниципалитетов; формирование новых регионов, обладающих расширенными полномочиями и ресурсами для их реализации; стимулирование межрегиональной экономической интеграции; создание механизма оперативного делегирования полномочий между уровнями управления	Сокращение расходов денежных средств бюджетной системы, связанных с содержанием аппарата управления на муниципальном уровне; повышение эффективности функционирования аппарата управления за счёт снижения нагрузки на должностных лиц;
Исландия, Дания	Формирование институциональных условий организации межмуниципального взаимодействия, в т. ч. межмуни-	ускорения документооборота, минимизации рисков ошибок, потери,

²¹ Отчёт «Состояние региона Северных стран». 2018. URL: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1191016/FULLTEXT01> (дата обращения: 21.06.2025).

²² Источник: составлено авторами.

	ципальных органов управления; создание механизма распределения полномочий, ресурсов, ответственности от национального правительства муниципалитетам	искажения данных; сокращение различий в качестве жизни граждан в разных районах страны
Норвегия	Формирование механизма равномерного распределения ресурсной ренты; последовательное сокращение количества административно-территориальных единиц за счёт объединения муниципалитетов; создание механизма оперативного делегирования полномочий между уровнями управления	

В дополнение к информации, изложенной в табл. 2, необходимо сказать о том, что Северные страны (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция), вступив в международные интеграционные объединения (например, в Европейский Союз, Европейскую ассоциацию свободной торговли), частично отказались от собственного суверенитета в пользу наднациональных органов управления. Подобный подход содержит в себе как преимущества, заключающиеся в формировании единых административных правил, действующих на всей территории государств-участников интеграционного объединения, так и недостатки, основным из которых является усложнение механизма реагирования на изменения, вызовы и угрозы современного мира. Резюмируя вышеизложенное, выделим основные инструменты реализации государственной политики регионального развития Северных стран:

- последовательное укрупнение муниципалитетов в целях упрощения администрирования;
- высокий уровень социальных расходов, особенно в части развития человеческого капитала (образование, здравоохранение, социальная защита);
- высокий уровень государственных расходов, связанных с развитием дорожно-транспортной инфраструктуры в целях обеспечения территориальной связанности страны;
- точечная государственная поддержка различных отраслей экономики (с учётом особенностей территориальной локализации) в виде: непосредственного участия в корпоративном капитале (например, норвежские суверенные фонды), предоставления льготных режимов налогообложения, административных преференций;
- кластерный подход к организации регионального развития, подразумевающий выявление ядра экономической активности, обусловленного оптимальным сочетанием имеющихся ресурсов, созданием административных и организационно-экономических условий интенсификации темпов роста;

- стимулирование межрегиональных (межстрановых) интеграционных экономических процессов (например, Северные страны).

По нашему мнению, наиболее эффективно мероприятия регионального развития реализуются в таких странах Северной Европы, как: Норвегия, Финляндия, Швеция, осуществляющих межстрановую экономическую интеграцию, координирующих государственное управление приграничными территориями, формирующих единую транспортную инфраструктуру, что способствует максимизации естественных конкурентных преимуществ, минимизации негативного действия вышеуказанных факторов-ограничителей социально-экономического прогресса и постепенному устранению значительных диспропорций регионального развития между слабозаселёнными северными и густонаселёнными южными территориями.

Заключение

В заключение вышеизложенному сформулируем следующее:

1. Одной из основных тенденций современного регионального развития как в РФ, так и в сходных по географическим и природно-климатическим условиям странах является постепенное размывание регионов как неких обособленных территориальных сущностей. Границы административно-территориальных единиц приобретают всё более условный характер в связи с тем, что стремительное развитие технологий коммуникаций, транспорта способствует резкому ускорению обмена информацией, товарами, капиталом и т. п., что в свою очередь является мощным драйвером диверсификации региональной экономики, формирования межрегиональных кластеров развития, ареалы которых могут включать территории (части территорий) различных административных единиц. В различных регионах РФ наблюдается тенденция развития агломераций: как разноотраслевых, так и специализирующихся на одном или нескольких приоритетных направлениях экономической деятельности. Как показывает практика, в процессе развития агломерация может включать в себя элементы, административно входящие в состав разных муниципалитетов и / или регионов, что затрудняет госрегулирование хозяйственных, экологических, социальных процессов и т. п.

С учётом подобных процессов механизм государственного управления должен обладать достаточной гибкостью, для того чтобы выступать стимулятором усиления конкурентоспособности как в рамках социально-экономической системы региона, так и на более низких уровнях, в том числе в контексте развития агломераций.

2. Осуществлённое нами исследование инструментария регионального развития в странах Северной Европы позволило выявить эффективные практики государственного управления, возможные к применению в РФ, формирующие благоприятные предпосылки социально-экономического развития субъектов РФ, а именно: создание в системе государственного управления административных процедур, позволяющих оперативно

делегировать полномочия между уровнями управления в системе «федерация — субъекты РФ — муниципальные образования»; постепенное сокращение расходов бюджетной системы, связанных с финансированием системы управления за счёт укрупнения муниципальных образований и сокращения количества муниципалитетов благодаря слиянию малонаселённых; учёт факторов, детерминирующих специфику регионов, и точечная передача отдельных государственных полномочий для реализации на региональном уровне; формирование инструментария государственного стимулирования структурной диверсификации экономики сырьевых регионов.

Список источников

1. Масолыгин А.В. Инструменты борьбы с бедностью в Норвегии в рамках ее социально-экономического развития в XX-XXI вв. // Мировое и национальное хозяйство. 2022; 3-4 (60).
2. Подоплёкин А.О. Арктические регионы Канады, Норвегии и США: модели и результаты экономического развития в 2010-е годы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021; 11-2: 297–302. <https://doi.org/10.17513/vaael.1950>
3. Монастырская М.Е., Песляк О.А. Специфика градостроительного планирования крупных урбанизированных территорий в скандинавских странах. Часть I: монополия муниципального планирования в Швеции // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2020; 5 (8): 46–60. <https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-8-46-60>
4. Amdam R. Sectoral Versus Territorial Regional Planning and Development in Norway // European Planning. 2002; 10: 99–111. <https://doi.org/10.1080/09654310120099281>
5. Stein J. The Striking Similarities between Northern Norway and Northern Sweden // Arctic Review on Law and Politics. 2019; 10: 79–102. <https://doi.org/10.23865/arctic.v10.1247>
6. Conigrave B., Hemmlings P. Making Norway's housing more affordable and sustainable // OECD Economics Department Working Papers. 2022; 1711. 54 p. <https://dx.doi.org/10.1787/c740833e-en>
7. Cornett A.P., Soerensen N.K. Regional growth policy in Denmark — an assessment of the role of innovation as an instrument in regional policy // 46th Congress of the European Regional Science Association: «Enlargement, Southern Europe and the Mediterranean», August 30th — September 3rd, 2006, Volos, Greece. 2006.
8. Häyriinen-Alestalo M., Pelkonen A., Teräväinen T., Waltari S.-T. Integrating regional policy with technology policy: the experience of Finland // Fennia. 2006; 184: 3–17.
9. Lundmark L., Demiroglu O., Nesterova I. Dogs, Frogs and Degrowth: Sustainable Development and Arctification as a Destination Development Dilemma in Northern Sweden // Tourism Destination Development: A Geographic Perspective on Destination Management and Tourist Demand. Berlin, Boston: De Gruyter; 2024: 219–240. <https://doi.org/10.1515/9783110794090-011>
10. Sobha P., Krook-Riekkola A. Integrating Sustainable Development Goals to Assess Energy Transition Scenarios in Municipalities of Northern Sweden // Aligning the Energy Transition with the Sustainable Development Goals. Lecture Notes in Energy. 2024; 101: 325–349. https://doi.org/10.1007/978-3-031-58897-6_14
11. Zetterberg L., Eriksson M., Ravry C., Santosa A., Ng N. Neighbourhood social sustainable development and spatial scale: a qualitative case study in Sweden // Local Environment. 2023; 28 (6): 793–810. <https://doi.org/10.1080/13549839.2023.2179610>
12. Sotarauta M., Suvinen N., Jolly S., Hansen T. The many roles of change agency in the game of green path development in the North // European Urban and Regional Studies. 2020; 28 (2); 92–110. <https://doi.org/10.1177/0969776420944995>
13. Duhs L. Iceland: Evolution of a small resource-based economy // Economic Analysis and Policy. 2021; 69: 574–584. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.01.007>

14. Garbis Z., McCarthy E., Orttung R.W., Poelzer G., Shaiman M., Tafrate J. Governing the green economy in the Arctic // *Climatic Change*. 2023; 17: 33. <https://doi.org/10.1007/s10584-023-03506-3>

References

1. Masolygin A.V. Poverty Alleviation in the Framework of Socio-Economic Development of Norway in XX–XXI Centuries. *World and National Economy*. 2022; 3-4 (60).
2. Podoplekin A.O. Arctic Regions of Canada, Norway and USA: Models and Results of Economic Development in the 2010s. *Vestnik Altayskoy Akademii Ehkonomiki i Prava*. 2021; 11-2: 297–302. <https://doi.org/10.17513/vaael.1950>
3. Monastyrskaya M.E., Peslyak O.A. Specifics of Urban Planning of Large Urbanized Territories in the Scandinavian Countries. Part I: Monopoly of Municipal Planning in Sweden. *Bulletin of BSTU Named after V.G. Shukhov*. 2020; 5 (8): 46–60. <https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-8-46-60>
4. Amdam R. Sectoral Versus Territorial Regional Planning and Development in Norway. *European Planning*. 2002; 10: 99–111. <https://doi.org/10.1080/09654310120099281>
5. Stein J. The Striking Similarities between Northern Norway and Northern Sweden. *Arctic Review on Law and Politics*. 2019; 10: 79–102. <https://doi.org/10.23865/arctic.v10.1247>
6. Conigrave B., Hemmlings P. Making Norway’s Housing More Affordable and Sustainable. *OECD Economics Department Working Papers*. 2022; 1711. 54 p. <https://dx.doi.org/10.1787/c740833e-en>
7. Cornett A.P., Soerensen N.K. Regional Growth Policy in Denmark — An Assessment of the Role of Innovation as an Instrument in Regional Policy. In: *46th Congress of the European Regional Science Association: «Enlargement, Southern Europe and the Mediterranean», August 30th — September 3rd, 2006, Volos, Greece*. Volos, Greece. 2006.
8. Häyrynen-Alestalo M., Pelkonen A., Teräväinen T., Waltari S.-T. Integrating Regional Policy with Technology Policy: The Experience of Finland. *Fennia*. 2006; 184: 3–17.
9. Lundmark L., Demiroglu O., Nesterova I. Dogs, Frogs and Degrowth: Sustainable Development and Arctification as a Destination Development Dilemma in Northern Sweden. In: *Tourism Destination Development: A Geographic Perspective on Destination Management and Tourist Demand*. Berlin, Boston, De Gruyter; 2024: 219–240. <https://doi.org/10.1515/9783110794090-011>
10. Sobha P., Krook-Riekkola A. Integrating Sustainable Development Goals to Assess Energy Transition Scenarios in Municipalities of Northern Sweden. In: *Aligning the Energy Transition with the Sustainable Development Goals. Lecture Notes in Energy*. 2024; 101: 325–349 https://doi.org/10.1007/978-3-031-58897-6_14
11. Zetterberg L., Eriksson M., Ravry C., Santosa A., Ng N. Neighbourhood Social Sustainable Development and Spatial Scale: A Qualitative Case Study in Sweden. *Local Environment*. 2023; 28 (6): 793–810. <https://doi.org/10.1080/13549839.2023.2179610>
12. Sotarauta M., Suvinen N., Jolly S., Hansen T. The Many Roles of Change Agency in the Game of Green Path Development in the North. *European Urban and Regional Studies*. 2020; 28 (2): 92–110. <https://doi.org/10.1177/0969776420944995>
13. Duhs L. Iceland: Evolution of a Small Resource-Based Economy. *Economic Analysis and Policy*. 2021; 69: 574–584. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2021.01.007>
14. Garbis Z., McCarthy E., Orttung R.W., Poelzer G., Shaiman M., Tafrate J. Governing the Green Economy in the Arctic. *Climatic Change*. 2023; 17: 33. <https://doi.org/10.1007/s10584-023-03506-3>

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025;
принята к публикации 01.07.2025

Вклад авторов: Строев П. В.: концепция исследования; научное руководство, доработка текста;
Ревунов Р. В.: написание исходного текста, итоговые выводы

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов